

**КОНЦЕПТЫ ПРАВДЫ И ЛЖИ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ КООРДИНАТ
ЭПОХИ КИЕВСКОЙ РУСИ**

У статті на матеріалі пам'яток східнослов'янської писемності аналізуються причини семантичних трансформацій концептуальної дихотомії «правда – неправда» в часі. Доводиться, що викривлення вихідного інформаційного поля відповідних концептів відбувається при зміні ціннісних координат, а також за умови модифікації векторного базису в системі культурних етосів картини світу.

Ключові слова: *система культурних координат, культурний концепт, концептуальна дихотомія «правда – неправда», концептуальний аналіз, дискурсивна практика, етос.*

Погружение в историю восточного славянства, ставшее возможным благодаря изучению памятников письменности, позволяет, как минимум, определить статусность того или иного концепта в культуре, установить его ближайшие семантические связи, а также с помощью концептуального анализа объяснить динамичный характер трансформаций информационного поля ментального образования сознания, помещая его в определенную систему социокультурных координат.

Расширить возможности концептуального анализа позволяет параллельное использование различных общенаучных и специальных методов. В естественных науках, в частности в математике и физике, широко используется метод координат, который заключается в реализации способа определения положения и перемещения точки или тела с помощью чисел или других символов. Если предположить, что точкой является конкретный субъект действительности, помещенный в конкретную систему ценностных координат, заданных в определенном пространстве и определенном времени (хронотопе), а символом выступает объективированный словом концепт, то можно построить гипотетическую модель реальности (концептуальную карту), объясняющую концептуальные трансформации как в индивидуальном, так и коллективном сознании в пределах одной или нескольких культур. При этом субъектом действительности может быть как человек, так и отдельная социальная институция, в частности церковь, школа, суд и пр. Используя термин «координата», который трактуется в математике как совокупность чисел, определяющих положение конкретной точки, под координатой мы понимаем совокупность символов, реализуемых концептами, текстами, дискурсами и определяющими ценностные доминанты ментальной карты сознания, а значит – определяющими положение субъекта в конкретной системе координат. Такими ценностными доминантами являются, безусловно, ключевые культурные (лингвокультурные) концепты древнерусской картины мира, в системе которых концепты ПРАВДА и ЛОЖЬ занимают особое место.

Что же определяет (задает) систему семантических координат? Несомненно, что такие системы формируются в конкретном социуме как открытые социокультурные парадигмы, включающие основные сферы жизнедеятельности человека, из которых базовыми в средневековых государствах являлись религия, политика, экономика, право. Поэтому соответствующие институциональные дискурсы как составляющие культурного дискурса (в широком понимании этого термина) предоставляют необходимый материал для построения концептуальных моделей действительности в их динамике. Исследование культурного дискурса с его конкретными дискурсивными практиками, в частности правдивого и неправдивого сообщения (поведения), реализующимися, прежде всего, в религиозной и правовой коммуникации древнего человека, проводится с учетом широкого исторического контекста.

Важними факторами в характеристике координатной системы являются системы отсчета и системы референции. Для истории Киевской Руси такой точкой отсчета, несомненно, является принятие христианства (X в.) как единой религиозной идеологии в государстве восточных славян. Именно по отношению к этому времени и рассматривается динамика развития концептов внутри заданной идеологической системы.

Система референции концептуальной дихотомии «правда – неправда» определяется совокупностью системы координат и векторных базисов, в частности временных и пространственных. Таких систем несколько. В религиозном понимании неправда является грехом, произнесение лживых слов имеет перформативный характер и соответствует греховному деянию, за которое следует суровое наказание: *вздохо(м) рече сугубо неправды ихъ и грехи* (ГБ XIV, 206а). Соответственно правда отождествляется с праведностью. В морально-этической системе координат неправда уподобляется злу, правда – благу, добру: *никогого же извета изветующе въ гресехъ. не злословяще* (ФСт XIV, 1756). Правовая система трактует неправду в контексте преступления, однако лжесвидетельство (клевета) в правовом поле долго не получает своего четкого определения, квалифицируясь не как преступление, а как проступок, наказуемый не столько людьми, сколько Господом (а значит трактующийся как грех): *клеветанья же и лжепослушства [лжесвидетельства] пакы вторыи грехъ* (СбХл XIV, 102). Оппозиции «неправда – грех», «неправда – зло», «неправда – проступок» составляют базовую матрицу соответствующих дискурсивных практик.

Устойчивые выражения *делать неправду, творить неправду, свидетельствовать неправдоу* передают семантику неправдивого (неправедного), несправедливого действия, при котором нарушаются религиозные, морально-этические и социальные нормы, в том числе правовые законы: *и нача творити неправды обличень бывъ* (ПрЛ XIII, 121в). Преобладание глагольных форм выражения неправдивой коммуникации свидетельствует о концептуализации неправды как внутренней интенции, реализуемой в антисоциальной модели поведения (антикоммуникации).

Высокая статусность религиозного культурного дискурса в средние века определяет значимость базовых концептов христианства как дискурсообразующих констант. Толкование того, что такое правда и что такое ложь в системе православных координат, происходит, прежде всего, благодаря осмыслению разножанровой религиозно-дидактической литературы. Экспликация соответствующих смыслов в мирскую жизнь, как правило, в форме императива осуществляется с помощью проповеднических дискурсивных практик, а также текстов правового характера: *...не створите неправды в суде, въ мерилехъ и в ставилехъ* (КР 1284, 2586).

Интерпретация правды как абсолютной (божественной) правды-истины и запрет на неправдивую (неистинную) комуникацию содержат канонические религиозные тексты. Логические отношения контрадикторности удерживают члены оппозиции «правда – неправда» на противоположных полюсах. Существование правды как сакрального закона и блага противоречит существованию неправды как зла и греха. Постепенная дифференциация сакрального и профанного модусов бытия приводит к перемещениям (условным) человека из одной аксиологической системы в другую. Несовпадение ценностей провоцирует когнитивный диссонанс в мышлении. Особо острое состояние такого диссонанса возникает при кардинальной смене ценностных координат. В Киевской Руси таким идеологическим «потрясением» стало принятие христианства и отказ от политеизма язычества. Единобожие как правда отрицает существование пантеона языческих богов, поклонение которым называется *лжебожием*. Более того, неправославные религиозные течения квалифицируются аналогично.

Систему координат можно также выстроить, основываясь на дифференциации аксиологических концептов в антропологии, выделившей такие доминирующие сферы культуры, как идеология, религия, художественная культура и быт. Проблемное поле когнитивной антропологии позволяет взять за основу координатного континуума определенные культурные модели, что конкретизирует исследовательскую задачу.

Например, идеи Рут Бенедикт о культуре как системе с уникальной неповторимой конфигурацией внутрикультурных элементов, объединенных одной культурной темой – *этносом*, ценны при интерпретации семантических трансформаций ключевых концептов культуры. Именно этос определяет содержание элементов культуры, а также обуславливает соотношение и возможность вариативных отношений между ними. Культурная тема является, с точки зрения Бенедикт, ориентиром для формирования всех социальных моделей в обществе: «Каждое человеческое общество когда-то совершило такой отбор своих культурных установлений. Каждая культура с точки зрения других игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное. Одна культура с трудом постигает ценность денег, для другой – они основа каждодневного поведения. В одном обществе технология невероятно слаба даже в жизненно важных сферах, в другом, столь же «примитивном», технологические достижения сложны и тонко рассчитаны на конкретные ситуации. Одно строит огромную культурную суперструктуру юности, другое – смерти, третье – загробной жизни» [3].

Несомненно, что со времен принятия идеи единобожия в Киевской Руси центральную позицию занимает христианский православный этос с его оригинальной структурной организацией, определяемой базовыми концептами религии. Культуры смирения, аскезы, веры, греха, правды-праведности и пр. формируются в соответствии с концепцией Божественного Суда, в которую органично вписываются дискурсивные практики правдивого (истинного, справедливого) и неправдивого (неистинного, несправедливого) деяния как некоего действия, определяющего праведность или греховность христианина, а значит и дальнейшую судьбу его бессмертной души на высшем суде. Вторичность телесной жизни переводит вопрос истинности правды в религиозную плоскость, в пределах которой в этот период функционируют практически все сферы жизнедеятельности средневекового человека.

В информационном поле концепта ПРАВЕДНОСТЬ формируется фрейм «жить по божьей правде», предполагающий, в первую очередь, следование заповедям (не убей, не укради, не прелюбодействуй и т. д.). Природные инстинкты человека, провоцирующие нарушение заповедей, сдерживаются страхом Божественного наказания (...и бояться день и ночь – ГА, 166в. XIII–XIV вв.). Иоанн Златоуст, упоминая библейский псалом, призывает верующих: *Послушай, что говорит пророк: работайте Господеви со страхом, и радуйтесь ему с трепетом* (Пс. 2: 11. – Злат. (Поуч. о скв.) XII в.). Идея Божественного гнева и страха Господня остается актуальной и в трудах писателей следующих веков, органично вписываясь в православный этос. Например, разум из сочинения Максима Грека «Беседа души с умом» устрашает «безумную» душу словами: *Начало премудрости – страх Господень... Истинным же страхом почитай, душа, прилежное исполнение Божественных заповедей* (Соч. МГр XVI в.).

Поощрение живущих по правде (праведников) и наказание не соблюдающих законы Господа (грешников) сводится к обещаниям наградить первых достатком, различными благами, а главное – вечной жизнью души после смерти тела и наказать вторых нескончаемыми душевными муками. О трудном пути праведника говорится в Нагорной проповеди Христа, обращенной к своим ученикам, из которой следует, что правда – это есть Христос и его учение: *Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся* (Матф. 5: 6); *Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное* (Матф. 5: 10); *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить на меня* (Матф. 5: 11). Образ «жаждущих правды» и «изгнанных за правду» формируется в поле базового религиозного концепта БЛАГО, определяющего на многие века морально-этическую систему ценностей восточных славян. Однако воплощение такого образа в реальную жизнь (например, через институт юродствования) имеет характер ритуализованной игры, что делает невозможным его концептуализацию в обыденном сознании [2, с. 87–94].

Христианская религия с помощью конфессиональных дискурсов активизирует пристальное внимание к «внутреннему» человеку, формирует установку на духовность

бытия и ограничивает свободы коллективного и индивидуального тела с помощью церкви как института устрашения, сдерживающего несправедное поведение. Светская власть в лице князя опирается на идею Божьего суда, апеллируя к идее избавительной правды: *...а пред Богом тому же отвецяти на страшной суде пред тьмами ангел, идеже кождо дела не съкрыются благаа же и злаа, идеже не поможет никто же никому же, но токмо правда избавить от вторья смерти и от вечных мука, и от огня негасимааго, яко же есмы управиле по святых отец правилом и по первых царей и князей упряжению* (УстВл). Таким образом, концепт правды формируется в сознании как внутренняя интенция рефлектирующего характера. «Избавительная» правда также положена в основу первых нормативно-правовых документов средневекового государства. Уже в Русской Правде ответственность перед Богом за несправедное поведение (грех) закреплена законодательно.

Несомненно, что безальтернативная религиозная формула «всяка ложь от лукавства есть» практически исключает возможность появления в сакрализованном пространстве допустимых в поведении человека типов неправды. Только религиозная сфера с ее моралью и этикой формирует чистые понятия «правды-истины» и «неправды-неистины», которыми должен руководствоваться христианин. Греховность лжеучительства (лжепророчества), связанного с распространением ереси, идолопоклонства, колдовства и неправославных религий, лжесвидетельства (лжесловия) не вызывает сомнения. Желание объяснить свои несправедные поступки порождает образ некоего внутреннего искусителя, который заставляет человека «лжедействовать»: *яко дьяволь. егда кимь глаголять. лжедействиуеть* (ПНЧ XIV, 11а).

Религиозный дискурс включает понятия правды и неправды в систему регулятивов (установлений, рекомендаций, запретов, разрешений, повелений и пр.), авторство которых приписывается Богу и церкви *лъженаписаная отъ некихъ цквньныхъ врагъ мчньская словеса... обличати повелеваемъ* (КЕ XII, 60б). Система таких предписаний распространяется и на повседневную жизнь: *да не будетъ в васъ никто же всепагубно дерзъ... ли изветникъ. ли лжесловень. ии москолудивъ* (ФСт XIV, 100а); *да не лжисведетельствоуеши на искрньаго своего лжесведетельствомъ* (ГА XIII–XIV, 67в); *не лжи не послушьствуи на ближняго своего послушьства лжива* (Пал 1406 149г).

Юридическая категория неправды (лжи) в форме клеветы, оговора, ложной клятвы менее актуальна для правового сознания средневекового человека. Хотя уже в этот период оговаривается некая степень ответственности за лжепослушьство: *о томъ еже не ходити къ еретичьскимъ лъжепослоухомъ* (КЕ XII, 8а). Генетическая связь юридического права с правом в значениях «прямо, без отклонений в сторону, ровно», «как нужно, верно, правильно», «действительно», «истинно», «без лжи, искренне, правдиво», «правда», «справедливо», «справедно, согласно нормам религиозной морали правоверных» [4, с. 437–438] подчеркивает важность первичного осознания того, что правда должна лежать в основе юридических законов, которые базируются на Божьих установлениях. Эту идею транслируют так называемые Кормчие книги – номоканоны (дословно «законоправило», «законоправильник»): *и се свидетельствова неправдоу въста на брата своего* (КР 1284, 262б); *лъжесловятъ бо якоже подобаетъ хотящимъ ся спасти на колико молитися* (КЕ XII, 261б).

Сокращенным вариантом кормчих книг являлся юридический сборник «Мерило праведное» – практическое руководство для церковного и светского судопроизводства того времени. Кроме законов византийского права, сборник содержал оригинальные документы собственно русского гражданского законодательства, поучения, проповеди и пр. Идея праведного суда и справедливого судьи становится одной из ключевых идей рукописи. Наставления судьям и князьям отражают нравственные ориентиры средневекового общества, основанные на христианской морали. Правдивость как основной нравственный критерий властителей – залог правдивого (справедливого) приговора. Названия глав «Мерила праведного» и их начала подтверждают вышесказанное: Слово о судьях и властителях, емлющих мзду и **не в правду судящих**. [Начало] *Сице глаголетъ господь: слышите судья*

земнии вси, да не оправдиши нечестиваго мзды ради (л. 18 об.); Слово Сирахово на *немиловитые князи, иже не в правду судяты* (л. 18 об.); От Бчелы избрано, о мздоиманьи. [Начало] *Иже охвочь на взятие, аще не молвить, но лукавая мыслить, правды не смотрит, иманю работает* (л. 31); О исправленьи суда. [Начало] *Съпряжено есть еже правду познати истинную, еже суд справити* (л. 43 об.); Наказание князем, иже дают волость и суд небогобойным и лукавым мужем. [Начало] *Рече Пророк: Божсе суд твой цареви даждь и правду твою сынови цареву* (л. 62 об.); Избрание от закона Богом даного Израилю тоже Моисеєм, о суде (и о правде) (л. 118). Императивы нравоучительного характера (*не оправдиши* [нечестивого]), фраземы типа *правду судити, правду смотрети, правду давати, правду познати*, лексемы с определенной семантикой (*лукавыи, истинная* и пр.) объективируют концепт правды в правовом сознании человека.

Речевые формулы с компонентами *правда* и *неправда* свидетельствуют о том, что соответствующие понятия понимаются как действие, то есть имеют перформативный характер и коррелируют с определенным поступком – социально одобряемым или антиповеденческим (осуждаемым, порицаемым, наказуемым). Речь, характеризующая по отношению к действительному положению дел и нравственной оценке, то есть речь-правда и речь-ложь (вранье, обман, лжесвидетельство) в правовом поле Киевской Руси социально маркирована. Так, в Уставе князя Владимира сказано, что свидетельствовать на суде могут только свободные люди, а привлекаться к *послушьству* (свидетельству) в исключительных случаях могут только боярские тиуны и закупы: *А послушьства на холопа не складаютъ, но оже не будетъ свободного, то по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати. А в мале тяже по нужи възложити на закупа* (УстВл, ст. 59).

В структуру правового сознания входит нравственно-этический кодекс судьи. Ценностный ориентир – Божий суд – то, к чему следует стремиться судьям земным, – задан в дидактической и юридической литературе с помощью многочисленных выдержек из Библии, Евангелий, проповедей отцов церкви: Слово св. В. Василья о судьях и о клеветах. [Начало] *Св. великий Костянъ(тин) рече. да будет же судия нелицемерен, ни богата стыдся, ни нища млуя* (МПр, л. 20); *Ни въ соудищехъ ни въ инехъ деящихъ оугодно лъживое* (Пч. к. XIV, 90). Пространные советы судьям и князьям по поводу правдивого суда и соответствующих нравственных характеристик свидетельствуют, например, о таком социальном недуге общества, как взяточничество (мздоимство), и конечно же, несовершенстве человеческой природы. Нарушение юридических законов властимущими – распространенное явление в обществе: *...княжо оу томь еси неправду деаль* (Гр ок. 1300 (2, рижск.); *еси створилъ неправду на рабе своемъ* (СбТр к. XIV, 197) (ср. ст.-укр. *неправо* «преступно», *правдивый* «имеющий законную силу, правомочный», *правый закон* «правильный, справедливый закон»). Корреляция фреймов «Суд Божий на небе» и «Суд княжий на земле», указывающая на божественный характер мирской власти, все же имплицитно предполагает мнимость и безусловность этой связи, что подтверждают рассуждения первых древнерусских летописцев: *Богъ даетъ власть, ему же хоцетъ; поставляетъ бо цесаря и князя вышний, ему же хоцетъ, дастъ. Аще бо кая земля управится предъ богомъ, поставляетъ ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устраяетъ, и судью, правящаго суд. Аще бо князи правдиви бывають в земли, то много отдаются согрешенья [земли], аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводитъ богъ на землю, понеже то глава есть земли* (ПВЛ (Лавр.сп.).

Одновременное существование желаемой правды-справедливости, осуществление которой невозможно в земной жизни, и правды, доступной мирянину при определенных условиях, но отличающейся от первой, как бледная копия отличается от своего оригинала, создает условия для формирования в сознании двух параллельных картин мира, иногда пересекающихся во времени и пространстве, если они входят в сферический круг религии, но чаще живущих автономно. Первая картина приобретает виртуальный характер, вторая наполняется реальными объектами, субъектами, явлениями, фактами.

Попытка формулировки значимых норм поведения людей в терминах закона, которые по определению должны быть точно обозначены, не совсем удачна по причине нечетких дефиниций основных категорий судопроизводства, в частности категории правды-справедливости. Изначально заданная, но недостижимая в миру модель Божьего суда остается в виде идеального эталона правосудия. Реалии жизни способствуют формированию идеи справедливого суда относительно конкретной социокультурной системы координат. Общие императивы типа *не убий, не укради* трактуются уже не в соответствии с правилами Божьего суда, а в соответствии с нормами поведения конкретного общества. Культура поощрения и культура наказания выходит за рамки сакрального действия. Полный или частичный отказ в дальнейшем от первой модели обуславливает возможность подмены истинного понятия правды в бытовой и других сферах жизнедеятельности человека (в частности правовой) на понимание правды не как смысловой целостности, а как мозаического образования сознания, состоящего из многочисленных семантических единств, диффузных, во многом неопределенных, но соответствующих природе человека и его потребностям, снимающих противоречия в мышлении и не допускающих когнитивного «взрыва» при резком переходе из одной системы культурных координат в другую – часто противоположную.

Интерес представляют рассуждения В. И. Карасика о существовании различных типов лжи (объективированных словом) в повседневной коммуникации современного человека: «Поскольку сфера морали пронизывает все проявления человеческого поведения, она наиболее детально номинируется обиходными языковыми единицами. Так, например, существует несколько типов лжи – ложь как корыстное манипулятивное действие, как коммуникативное действие, обусловленное страхом перед наказанием, как реализация патологической потребности придумывать несуществующие события, как несерьезная коммуникативная практика развлечения собеседников, как поступок, целью которого является попытка спасения адресата от страшной правды («белая ложь»), как самообман и др.» [1, с. 39]. Замечание лингвиста о том, что «лишь некоторые из названных типов лжи могут получить реализацию в сферах религии или права», комментируется определением «искусительной» лжи в религиозной практике: «...искусительная ложь – сознательное воздействие на человека с целью заронить сомнение в его вере» [там же, с. 40].

В текстах древнерусской литературы закрепляется эталон правды-истины и правды-справедливости как квинтэссенции коммуникативного поведения, в основе которого лежит осознание соответствующих концептов. Противоречия в модели возникают при условии ее одновременного осуществления в двух модусах бытия: сакрального и профанного. Религиозное понимание небесной правды как высшей справедливости, истины (т. е. Бога) уже в эпоху раннего христианства вступает в противоречие с пониманием правды земной.

Результатом осмысления неправды в контексте оппозиционных отношений «грех – зло – преступление» является формирование асоциальной модели поведения, которая имеет свойство трансформироваться при переходе из одной системы культурных координат в другую. Переписывая юридические законы и трактуя справедливость в системе определенных (необходимых в данном месте и в данное время) координат, человек со временем научается умело манипулировать понятиями правды и неправды. Искажение и отход от религиозных канонов, вызванный несоответствием требований христианской морали и реальной действительностью порождает определенные когнитивные контрарные образования как диффузные комплексы, содержащие в себе информемы двух понятий – правды и неправды. Возникают различные виды полуправды как компромиссное решение, частично снимающее проблему когнитивного диссонанса. В результате аппликации аксиологических систем выделяются зона совпадения и зона несовпадения смыслов. Крайнее положение во втором локусе занимает фрейм «правда есть неправда». Именно в мирском модусе бытия правда из абсолютной категории переходит в категорию относительную и приобретает характер диффузного ментального образования.

ЛІТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Языковое проявление личности. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 450 с.
2. Коч Н. В. НОМО LUDENS в древнерусской лингвокультуре (попытка «предварительного понимания» концепта ИГРА) // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сборник научных статей [отв. ред. М. В. Пименова]. – К.: Издательский дом Д. Бурого, 2013. – 496 с. – С. 87–94.
3. Лурье С. В. Историческая этнология: учебное пособие [Электронный ресурс]. – М.: Академический проект, 2005. – 624 с. / Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/36337.html>. – ЭБС «IPRbooks».
4. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / [РАН. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. В. Б. Крысько]. – М.: Русский язык, 2004. – Т. VII. – 505 с.

Nataliia Kotch

**CONCEPTS OF TRUTH AND LIE IN THE SYSTEM OF CULTURAL COORDINATES
OF KYIVAN RUS EPOCH**

The reason of the semantic transformations of the conceptual dichotomy «truth – untruth» during the time on the material of the East Slavic writing notes are analyzed. It is proved that the distortion of the source information field of appropriate concepts occurs upon value coordinates transformation, as well as vector basis modification in the system of cultural epics of the world picture.

Key words: system of cultural coordinates, cultural concept, conceptual dichotomy «truth – untruth», conceptual analysis, discourse practice, ethnos.

Наталья Коч

**КОНЦЕПТИ ПРАВДИ І БРЕХНІ У СИСТЕМІ КУЛЬТУРНИХ КООРДИНАТ
ЕПОХИ КИЇВСЬКОЇ РУСІ**

У статті на матеріалі пам'яток східнослов'янської писемності аналізуються причини семантичних трансформацій концептуальної дихотомії «правда – неправда» в часі. Доводиться, що викривлення вихідного інформаційного поля відповідних концептів відбувається при зміні ціннісних координат, а також за умови модифікації векторного базису в системі культурних етосів картини світу.

Ключові слова: система культурних координат, культурний концепт, концептуальна дихотомія «правда – неправда», концептуальний аналіз, дискурсивна практика, етос.

УДК 81'37:81'38

Nataliya Panasenko
(Czech)

**THE ROLE OF SYNTACTIC STYLISTIC MEANS
IN EXPRESSING THE EMOTION TERM LOVE**

Кохання є одним з найважливіших почуттів людини в його емоційному, когнітивному і соціальному житті. Цей феномен завжди приваблював учених: психологів, лінгвістів, філософів та етнолінгвістів. У статті розглянуто екстралінгвістичні та лінгвістичні засоби представлення поняття «кохання». До лінгвістичного віднесені стилістичні засоби, які представлені лексичним, синтаксичним, фонетичним, семасіологічним рівнем. Автор зосереджується на лексичних та синтаксичних засобах вираження поняття «кохання» на матеріалі двох слов'янських мов, ураховуючи лінгвокогнітивний та культурологічний підхід